

Л.В. СМОЛЯНСКАЯ
(Волгоград)

К. ЛЕВИН, Л.С. ВЫГОТСКИЙ И ПРОБЛЕМА ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СУВЕРЕННОСТИ И ТОЛЕРАНТНОСТИ

Рассматривается проблема этнопсихологической суверенности и толерантности с позиции теории психологического поля К. Левина и с позиции культурно-исторической психологии Л.С. Выготского. В качестве способа конвергенции рассматриваемых подходов предлагается применение концепции субъектности и субъектного действия, разрабатываемой Б.Д. Элькониным, И.В. Жулановой и А.М. Медведевым.

Ключевые слова: этнопсихологическая суверенность, этнопсихологическая толерантность, теория поля, культурно-историческая психология, культурное опосредствование, субъектность.

Изучение этнопсихологической толерантности и суверенности подростков и молодежи бывает связано, как правило, с исследованием авто- и гетеростереотипов, их влияния на формирование образа «своей» и «чужой» группы. В подростковом возрасте начинается активный поиск себя, своего места в этом мире. Подросток пробует себя в общении, пытается выстраивать свои взаимоотношения с людьми, претендуя на взрослость и тем самым привнося в свое общение множество «взрослых», как ему кажется, атрибутов, представлений и образов обыденного сознания. Переходность этого возраста, которую отмечают родители, педагоги и психологи, видимо, должна предполагать и переходность мировоззрения и самосознания, включая оценки этнических групп и оснований своей принадлежности к одной из них.

Форму, в которой происходит интеграция самосознания, своего рода «собираение себя», можно, вслед за К. Левином, определить как *психологическое поле в данный момент* [6]. Психологическое поле – образование пространственно-временное, объединяющее субъективное психологическое пространство и субъективное психологическое время человека, т.е. имеющее структуру хронотопа. Хронотопическая модель субъективной реальности, в том числе применительно к этнопсихологической проблематике, используется в работах А.М. Медведева и К.В. Мартirosян [7; 8; 9]. Субъективная реальность и ее хронотопическое оформление – реальность становящаяся, продукт субъектного действия [5].

Человек – существо социальное, поэтому пространственная составляющая, психологическое пространство человеческой жизни определяется социальными структурами, нормами и формами деятельности. Это то, что К.А. Абульханова-Славская определяет как общественную деятельность, которая социально регулируется, нормируется, оформляется [1, с. 45]. По отношению к этому социальному пространству человек не вполне свободен, он должен подчиняться предписаниям, регламентациям и нормам. Но есть и другое социальное пространство – референтное, в котором человек поступает свободно и добровольно. Различение этих пространств и их роли в жизни человека можно найти в работах К. Левина [6]. Например, определяя понятие «группа», К. Левин замечает: «История определения понятия “группа” довольно хаотична <...> В философских дискуссиях акцент часто ставился на различии между *общностью* (Gemeinschaft) и *обществом* (Gesellschaft) – имеем ли мы дело с эффектами формальной организации, или же существует нечто вроде “естественного группового единства”, основанного на факторах типа эмпатии» [Там же, с. 314].

В одних ситуациях (социальных пространствах) человек ведет себя регламентировано, в других свободно. Определение меры соотношения свободы и самоограничения требует специальной работы сознания и самосознания. Функция субъекта, по словам К.А. Абульханова-Славская, – это согласование активности, носящей достаточно индивидуальный характер, с социальными структурами, нормами и формами деятельности. Субъект мобилизует свою активность не в любых, а в необходимых формах, в определенное, а не в любое время и т.д. [1, с. 45].

Человек обладает *внутренним социальным пространством*, формирующимся с самого начала онтогенеза из того состояния симбиоза, которое Л.С. Выготский называл «пра-Мы», и обогащающимся в актах интериоризации [4]. Обратимся к дневникам Д.Б. Эльконина: «18.8.1977. Человек всегда *два человека* (курсив наш – Л. С.). Это начинается очень рано, в чем и все дело. Это человек и его *super ego* (Фрейд что-то угадал); человек и его совесть и т.п. (Достоевский, Толстой и многие другие писатели)... Может быть именно поэтому *со-знание?*» [12, с. 511].

Внутреннее психологическое пространство, как отмечает Л.И. Божович, двупланово: оно содержит обобщенные идеальные представления, включая морально-этические императивы, оно же содержит ориентировки в актуальном социальном и предметном окружении, обеспечивающие существование «здесь и теперь». У Л.И. Божович представлено важное для нас понимание этой особенности внутреннего пространства личности («второй среды» – в терминологии Л.И. Божович): «Формирование в юношеском возрасте мировоззрения, т.е. обобщенного систематизированного представления о мире в целом, о его законах и требованиях, безгранично расширяет ту среду, в которой живет юноша. Здесь “вторая среда” уже не отдельный образ или представление и не совокупность усвоенных норм и правил поведения, а обобщенная и систематизированная картина мира, в котором юноша хочет быть гражданином. Вместе с тем именно в этот период возникает и обобщенное представление о личности человека и о себе самом. Естественно, что в юношеском возрасте возникает потребность слить все это в единую смысловую систему, и тем самым найти и определить смысл своего собственного существования. Таким образом, специфика данного этапа возрастного развития заключается в том, что юноша в идеальном плане выходит далеко за рамки не только актуально данной конкретной ситуации, но и окружающей его материальной и общественной среды и начинает мыслить и переживать себя как “гражданин мира”» [2, с. 390–391].

В отечественной психологии эту идею оппозиций «внешнего – внутреннего», «мирка – Мира», «простоты – сложности» в изучении психологического хронотопа конкретизировал Ф.Е. Василюк в оригинальной концепции психологии переживания [3]. Ф.Е. Василюк дает следующую оценку вкладу К. Левина в разработку проблемы субъективного мира человека: «В психологии понятие “жизненного мира”, пожалуй, наибольшее внимание уделил К. Левин. Неудивительно, что для К. Левина, которого так волновала задача превращения психологии в строгую науку, построенную на принципах “галилеевского” мышления, главным в проблеме психологического мира был вопрос о его замкнутости, т.е. наличии принципиальной возможности объяснения по его законам любой ситуации С1 из предшествующей ситуации С0 (или, наоборот, предсказания из всякой С0 последующей С1). Психологический мир, по мнению К. Левина, в отличие от физического мира, этому критерию не удовлетворяет, поскольку является открытым. Другими словами, физический мир не имеет ничего внешнего: зная совокупную мировую ситуацию и все физические мировые законы, можно было бы (считает Левин) предсказать все дальнейшие изменения в этом мире, ибо ничто извне не может вмешаться в ход физических процессов, раз и навсегда определенных физическими законами. За пределами же данного психологического мира всегда существует внешняя, трансгредивная ему реальность, которая воздействует на него, вмешиваясь в ход психологических процессов, и потому невозможно ни полное объяснение, ни предсказание событий психологического мира на основании одних только психологических законов» [Там же, с. 84].

При этом, указывая на открытость психологического мира (хронотопа), К. Левин показал как можно, выражаясь словами Л.С. Выготского «впасть» в психологическое поле, но не объяснил, как можно из него выйти. Ответ на этот вопрос намечен в записных книжках Л.С. Выготского, расшифровке содержания которых посвящены работы Е.Ю. Завершневой [5]. Как показывают исследования Е.Ю. Завершневой, теорию поля Л.С. Выготский рассматривает не только как энциклопедист и систематизатор современной ему науки, но и как слушатель лекций и оппонент К. Левина. «Л.С. Выготский указывает на недооценку способности человека “выйти из поля”, которую сам К. Левин трактовал как

специфическое отличие человека», – пишет исследовательница архивов Л.С. Выготского Е.Ю. Завершнева [5, с. 126–127] и подкрепляет это цитатой из архивного документа:

«1. Почему понятия освобождают действие? <...> Гл[а]вное в мышл[е]нии – свобода: ich kann was ich will (Я могу то, к чему я стремлюсь (нем.). – Л.С.). Отсюда она переносится в действие. Но рождается свобода в мысли. В мышлении – выход из векторного поля» [Там же, с. 127].

И далее, как отмечает Е.Ю. Завершнева: «Полемика с К. Левином перерастает в подлинный диалог, совместное движение к общей цели. Л.С. Выготский уверен, что решение динамической проблемы найдено (запись “Sehr wichtig. Единство интеллекта и аффекта”)...» [Там же, с. 129]. Эта тема переходит в заметку «О воле», где Л.С. Выготский формулирует следующее: «Воля – это понятие, ставшее аффектом; волевой человек – это личность, определившая свои поступки и образ жизни из аффекта Я» (цит. по [5, с. 130]).

Таким образом, по Л.С. Выготскому, переход сначала протраивается в сфере мышления, сознания и опосредствуется его понятийным содержанием. И, видимо, чем беднее это содержание, тем слабее ресурсы для перехода, тем вероятнее для человека оставаться пленником динамического поля.

Возвращаясь к предмету нашего исследования – этнопсихологической толерантности и суверенности у подростков и студентов, – заметим, что проблема преодоления полевого поведения, определяемого аттитюдами, стереотипами и этническими стигмами, требует субъектного отношения молодых людей к содержанию своего сознания, перестройке его хронотопа. Релевантной этой задаче концепцией субъектности, на наш взгляд, является концепция субъектного акта (действия), предложенная Б.Д. Элькониним и развиваемая И.В. Жулановой и А.М. Медведевым, в частности предлагаемая ими техника экспликации личных теорий и их рефлексивного экранирования посредством культурных образов [5; 10].

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Психология и сознание личности (проблемы методологии, теории и исследований реальной личности): избранные психологические труды. М. : Психолого-социальный институт, Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК», 1999.
2. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте: психологическое исследование. М. : Педагогика, 1968.
3. Василюк Ф.Е. Психология переживания. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984.
4. Выготский Л.С. Психология развития человека. М. : Изд-во Эксмо, 2003.
5. Жуланова И.В., Медведев А.М. Становление субъектного действия // Культурно-историческая психология. 2011. № 4.
6. Завершнева Е.Ю. Записные книжки, заметки, научные дневники Л.С. Выготского: результаты исследования семейного архива // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 120–136.
7. Левин К. Динамическая психология: избранные труды. М. : Смысл, 2001.
8. Мартиросян К.В. Кросскультурные особенности хронотопа человека // Личность как предмет классической и неклассической психологии : материалы XIII Международ. чтений памяти Л.С. Выготского : Москва, 13–17 нояб. 2012 г. В 2 т. Т. I. М. : РГГУ, 2012.
9. Медведев А.М., Шокина Е.В. Хронотоп как схема понимания развития личности // Теоретические и прикладные аспекты психологии развития: проблемы, решения, перспективы : сборник научн. тр. Кемерово : ГОУ ВПО КГУ, 2007. С. 166–171.
10. Эльконин Б.Д. Психология развития. М. : Академия, 2001.
11. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М. : Педагогика, 1989.

K. Levin, L.S. Vygotsky and the issue of ethnopsychological sovereignty and tolerance

There is considered the issue of ethnopsychological sovereignty and tolerance from the position of the theory of psychological field by K. Levin and the position of cultural and historical psychology by L.S. Vygotsky.

As the way of convergence of the approaches there is suggested the use of the conception of subject and subject action developed by B.D. Elkonin, I.V. Zhulanova and A.M. Medvedev.

Key words: *ethnopsychological sovereignty, ethnopsychological tolerance, theory of field, cultural and historical psychology, subjectivity.*